

22-го июля
1901 г.

РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ

Воскресенье
№ 161.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На издѣіе издается журналъ ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ, выходя
съ издѣіемъ РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ, для военно-служашихъ,
съ доставкой или пересылкою 13 рублей.

Газета РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ, съ доставкой или пересылкою:

На годъ.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
Въ Россіи	9	8 50	8	7 50	7	6 50	6	5	4	3 50	3
За границу . . .	15	14	13	12	11	10	9	8	7	6	5

Подписка безъ доставки не принимается.

Отдѣльные номера газеты продаются въ конторѣ редакціи по 5 коп.

ГАЗЕТА ВОЕННАЯ
ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО,

КРОМѢ ДНЕЙ, СЛѢДУЮЩИХЪ ЗА ПРАЗДНИКАМИ.

Годъ 88-й

ПОДПИСКА и ОБЪЯВЛЕНІЯ принимаются въ конторѣ редак-
ціи: съ 10 ч. у. до 8 ч. веч. С.-Петербургъ, Набоковская, № 21. Телеф. 673.
ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ, по тарифу — 10 коп. за строку
печата. За разсылку частнымъ объявленій взимается 1 коп. съ перваго листа
и по 1/4 коп. съ остальными листами экземпляра объявленія.

ЗА ПЕРЕМѢНУ АДРЕСА: извѣщеніе на извѣщеніе, каждый разъ по 20 коп. и сообщать прежній
адресъ или присылать банкромъ, городскому на извѣщеніе, и обратно, по срокамъ за 11 мѣс. — 1 р. 60 к.,
за 10 м.—1 р. 30 к., за 9 м.—1 р. 40 к., за 8 м.—1 р. 30 к., за 7 м.—1 р. 20 к., за 6 м.—1 р. 10 к.,
за 5 м.—1 р., за 4 м.—80 к., за 3 м.—70 к., за 2 м.—60 к., за 1 м.—50 к.

КАЗЕННЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ, на основаніи циркулар. Глав. Шта. 1867 г. № 40 и 1869 г. № 194, должны
быть доставлены въ Главнй Штабъ, съ приложеніемъ за трехкратное напечатаніе 1/2 я. съ каждой буквы и цифры

О ВОСПИТАНИИ.

— Тридцать пять лѣтъ прослужилъ я съ офицерами и въ офицерской средѣ — такъ началъ Бетрищевъ, усаживаясь за уголовой столикъ французскаго ресторана. — Передъ моими глазами прошло два поколѣнія офицеровъ и нарождается третье. Я засталъ еще рекрутскую армію, старыхъ солдатъ, крѣпостныхъ, я засталъ и баричей-офицеровъ, всѣ знанія которыхъ порою сводились къ умѣньи умереть. Солдатъ тогда не учили, а дрессировали, офицеры не занимались, а флиртовали, играли въ карты, любили и были любимы женщинами, заводили легальныя и нелегальныя семьи, жили за счетъ своихъ имѣній, выгодной женитьбы, «остатковъ» хозяйственныхъ операций, или за счетъ то-варищей. Офицеровъ было сравнительно немного, всѣ они были дворяне и были всюду хорошо приняты. На моихъ глазахъ совершилась эмансипація крестьянъ и началось медленное оскудѣніе дворянства. Нужны краски покойнаго С. Терпигорева, чтобы набросать картины офицерскаго оскудѣнія такъ, какъ онъ набросалъ картины помѣщичьяго оскудѣнія. Дворянство не возродилось. Оно обратилось въ чиновниковъ, писателей, журналистовъ, инженеровъ, но старые царьки-помѣщики, подобные описанному Евг. Марковымъ «Старому барину», люди свободные, подобные Гончаровскому Облому — вымерли. Они перестали быть нужными и они исчезли. Офицерство не могло исчезнуть. Оно было нужно и оно стало еще болѣе нужнымъ со введеніемъ всеобщей воинской повинности и вотъ оно стало принаравливаться къ новому укладу жизни и понятиямъ. Прежде шли на военную службу потому, что это была почетная служба, потому, что она пользовалась уваженіемъ среди дворянъ, потому, что только на военной службѣ можно было достигнуть степеней извѣстныхъ и, наконецъ, наши Карлы Ивановичи читали намъ Плутарха, наши отцы обожали Суворова, благоговѣли передъ Александромъ, молились рыцарю Николаю I Павловичу и въ плоть и кровь нашу вошелъ стихъ Горация: dulce et

decorum est pro patria mori. И отцы, и дѣды наши умирали на Малаховомъ курганѣ, дрались на кавказскихъ завалахъ, шли завоевывать среднюю Азію.

«Anderes Pulver—andere Taktik» — кремневая фридриховская тактика смѣнилась болѣе легкой — на-полеоновской, появленіе пистона и наръзаннаго оружія дало еще шагъ — маленький, — и вдругъ — скоро-стрѣльное оружіе, унитарный патронъ и вооруженный народъ вмѣсто арміи. Все пошло кувиркомъ. Потребовались массы офицеровъ, потребовалось быстрое обученіе, а ни офицеровъ не было, ни приема обученія еще не было выработано.

Старикъ ундера оказался негоднымъ. «Военный Сборникъ» и «Русскій Инвалидъ» заперстрыли статьи на тему: воспитаніе или муштра — старая школа боролась съ новой. Не обошлось и безъ увлеченій. Одея время армію ограждавали, поговаривали о разрѣшеніи носить штатское платье въ службѣ, стыдились пестраго мундира, прикрывали эпюлеты и блескъ штыля сѣрою шинелью, какъ будто стыдился военнаго платья.

Дворянское оскудѣніе шло рѣзко. Служить ради удовольствія стало не по карману, начали идти на службу ради заработка, въ арміи появился сѣрый элементъ тихихъ тружениковъ, семейныхъ офицеровъ, не способныхъ на подъемъ духа, не умѣющихъ увлечь, боящихся простуды, лишеній, смерти. По счастью могучій духъ русскаго народа явился на выручку арміи и армія быстро легла въ новыя рамки. Къ теперешнему времени уже испытаны и усовершенствованы новыя приемы обученія и воспитанія — на все созданъ свой уставъ, свое правило и послѣ всего принято оставлять бумажный сабѣ. Теперь идетъ опрѣдка этого военно-воспитательнаго брильянта — религіозно-нравственное воспитаніе войскъ и реформа военно-учебнаго дѣла. Зададимъ же любезный мой Ламбинъ вопросъ, что такое офицеръ въ настоящее время?

Юноша не осилилъ грека и латыни и послѣ двухъ лѣтъ, проведенныхъ за чтеніемъ метаморфозъ Овидія, изгнанъ былъ изъ гимназіи на вольную-во-люшку — его отдали въ корпусъ... Мальчикъ растетъ

въ семьѣ, гдѣ много дѣтей и мало денегъ, надо его поставить на ноги, по счастью отецъ на военной службѣ — мальчика отдадутъ въ корпусъ. Мамаша бредитъ гусарскимъ корнетомъ, съ которымъ еще дѣвужкой дѣловалась въ ночной тиши — ея Шура долженъ быть похожъ на Alexandre'a — въ корпусъ его... Папаша капитанъ, денегъ немного, куда дѣвать сыновей — въ корпусъ, на казенное иждивеніе, на казенные хлѣба...

Никто не спрашиваетъ у мальчика, хочетъ или не хочетъ онъ быть военнымъ, никто не спрашиваетъ, обладаетъ онъ достаточной силой воли, умомъ и нервами, чтобы стать офицеромъ. Въ корпусъ приготавливаютъ.

На кадетскій корпусъ налагается непосильная работа создать изъ *каждою мальчика* — юношу, годнаго для военной службы. Кадетъ знаетъ, что изъ корпуса ему почти нѣтъ исхода, кромѣ военной службы, онъ знаетъ, что онъ нуженъ правительству и что будетъ онъ много стараться, или мало, его въ свое время произведутъ въ офицеры. Эта увѣренность умалится разборкой ваканцій и правами на выборъ полка и мѣста стоянки отъ балловъ, но кому все равно, гдѣ ни служить, тотъ старается не будетъ. Вся военная служба основана на справедливости и на равномерномъ движеніи, но въ этой справедливости и равномерномъ движеніи заключается глубокая несправедливость. Я могу вышты пять бутылокъ шампанскаго, а вы три — и оба мы одинаково заплатимъ — справедливо-ли это? Я старательный офицеръ, а вы лодырь, сидѣли пять разъ на гауптвахтѣ и мы оба черезъ четыре года попадемъ въ поручики, еще черезъ четыре въ штабсъ-капитаны, затѣмъ по годамъ старшинства въѣдемъ въ кандидатскій списокъ и получимъ полки. Я лѣнивъ, вы пылки и старательны, зачѣмъ я буду расходовать силы и нервы, когда мнѣ за это никакой выгоды не будетъ, а въѣдъ $\frac{3}{4}$ офицеровъ нашей арміи служатъ теперь отчасти изъ за выгоды. Ихъ товарищи, съ которыми они двадцать лѣтъ тому назадъ читали: «Gallia omnis divisa est in partes tres» — теперь по три, по четыре тысячи полу-

чаютъ, а вы? Все тѣ же 60—70 рублей въ мѣсяцъ. Зарождаются недовольство и желаніе «за то» по-меньше работать. Все равно, за лишнюю работу не заплатятъ...

Вотъ первая задача новаго корпуса: выбить навсегда изъ души молодого человѣка матеріализмъ, чтобы молодые люди служили «не изъ денегъ, не изъ платы, но за честь страны родной». Поднять въ мѣлкімъ народа значеніе арміи и дать офицеру серьезное образованіе. Задача очень серьезная. Тѣмъ болѣе серьезная, что матеріаломъ для обученія является хилая, нервная молодежь, въ большинствѣ случаевъ слабая и безвольная, склонная къ переутомленію, образовывать же ее призваны недорогіе учителя, часто мѣняющіеся, задающіе уроки по большей части «отседова — доседова». Съ переходомъ въ училище начинается рѣзкая борьба за баллы и за хорошую ваканцію. «Математики», корпусные первые ученики, нервные и впечатлительные, поступаютъ въ спеціальныя училища, изъ которыхъ выходятъ блѣдными и переутомленными. Стрелковая служба имъ не подъ силу. Они больше привыкли къ книгѣ и стремятся поэтому сейчасъ-же въ академію, а потомъ куда-нибудь на штабное мѣсто. Для строя эти лучшіе офицеры, хорошо образованные, гуманные, развитые, почти всегда потеряны. Даже въ молодые годы имъ некогда заниматься людьми. Они заняты самообразованіемъ и постепенно готовятся въ академію.

Среди солдатъ вранцаются офицеры, не увлекшіеся науками, образованія средняго, не мечтающіе стать когда-либо генералами, принять въ командованіе большія части. Горизонтъ ихъ узокъ, пути закрыты, дальше командованія батальономъ и полковника въ отставкѣ мечты ихъ не летятъ, потому жизнь надо украсить или какимъ постороннимъ дѣломъ — заботами объ имѣніи, частными работами, управленіемъ домою, или семьей, или скрасить жизнь картами, водкой, кутежами. Не смѣя мечтать о законной роли предводителя молодежи, многіе изъ нихъ думаютъ о роли «добраго малого», предводителя партіи протестующей, тормоза командирскимъ

начинающим—все-таки персона, все-таки почетъ и уваженіе. Наконецъ, изъ этой же среды выходятъ чудные строевые офицеры, привязанные къ солдату, любящие военное дѣло, занимающіеся на досугъ военнымъ спортомъ—это начальники охотничьихъ командъ, офицеры полудикихъ окраинъ, будущіе лихіе партизаны...

Это только категорія, но въ каждомъ полку вы найдете еще и массу разновидностей. Кажется страннымъ: всѣ изъ одного корпуса и всѣ такіе разные. Борпусъ, даже при идеальномъ составѣ воспитателей, не можетъ дать воспитанія. Воспитаніе даетъ только семья. За мою долготѣю практику командованія полкомъ я научился по первому разговору опредѣлять, какова семья у молодого офицера. Манира войти въ кабинетъ, сѣсть, отвѣчать на вопросы уже говоритъ мнѣ, съ кѣмъ я имѣю дѣло.

— Скажу вамъ больше, перебилъ генералъ Бетрищева Ламбинъ, я безошибочно угадываю, изъ какого сословія происходитъ выходящій ко мнѣ въ полкъ офицеръ.

— Вотъ видите. Поэтому мнѣ и страннымъ кажется, что возлагаютъ столько надеждъ на учебно-воспитательныя реформы кадетскихъ корпусовъ. Воспитываетъ офицера прежде всего семья, потомъ полкъ. Корпусъ и училище образуютъ его, приучаютъ къ извѣстному порядку и дисциплинѣ, но «сугубый» кадетъ или юнкеръ и офицеромъ будетъ сугубымъ, пока служба не ударитъ его нѣсколько разъ, пока полкъ не ошлифуетъ его. Вы замѣчали, Ламбинъ, что всякій молодой офицеръ выходитъ въ полкъ съ неясными представленіями о своемъ офицерскомъ положеніи. Одни слишкомъ высоко заносятся, другіе не имѣютъ должнаго авторитета. Черезчуръ широко распахиваетъ свои двери молодому чловѣку жизнь, слишкомъ много даетъ и много спрашиваетъ, чтобы голова не закружилась. Видали вы молодого на занятіяхъ, ну хотя-бы ружейными приемами: одинъ кинитъ и волнуется, при неуравновѣженности рукъ или невѣрно подброшенной винтовкѣ, онъ готовъ голову оторвать нижнему чину, сыпетъ крупною бранью, щеголяя отбор-

ными восьмизначными словечками, — другой сконфуженно стоитъ и не знаетъ, можно-ли ему взять винтовку и самому показать, да ужъ лучше пусть не показываетъ... Начнетъ объяснять — спутается, собьется и его же унтеръ-офицеръ поправитъ. Развѣ это готовые люди? Развѣ ротный командиръ можетъ поручить имъ роту, хотя-бы на минуту. А между тѣмъ—офицеръ ругатель великолѣпно поетъ и могъ бы поставить пѣсенниковъ въ дѣломъ полку, а скромный юноша знаетъ литературу, какъ учитель словесности и при случаѣ въ офицерскомъ собраніи съ успѣхомъ могъ-бы почитать Чехова или Горькаго, а въ ротѣ Гоголя или Погооскаго. Но, кто имъ это предложитъ? Никто. Въ голову не придетъ собирать офицеровъ на литературное чтеніе, да и какъ посмотреть начальство, если вмѣсто тактической задачи офицеры займутся «Юмю Горькимъ». А между тѣмъ чтеніе литературныхъ образцовъ, наблюденіе за литературнымъ теченіемъ въ Россіи способствовало-бы постепенному развитію военной молодежи.

— Но вы знаете, ваше превосходительство, что еще живъ старый взглядъ на военное дѣло, какъ на дѣло грубое, особаго образованія или развитія не требующее. Было-бы тѣло здоровое, да голосъ командирскій.

— Къ сожалѣнію, это есть. Я вѣдь съ этого и началъ. Въ кадетскіе корпуса отправляютъ зачастую людей, не способныхъ кончить университетъ, гимназію. А между тѣмъ теперь, когда въ солдатскіе ряды попадаютъ образованные и особенно полубразованные люди—офицеръ долженъ блистать своими знаніями. Образованные солдаты — ничего — эти поймутъ, что офицера можно уважать и помимо его знаній и начитанности, а вотъ этотъ фабричный, городской элементъ, окончившій четырехъ-классныя и ремесленные училища, съ этими не легко сладить. Одна дисциплина... но дисциплина во сто разъ дѣлается выше, если она сопровождается безграничнымъ уваженіемъ. А потому нельзя не привѣтствовать круннаго шага къ повышенію образованія офицеровъ окружающихъ училищъ, неся за не-

остановиться и на требованіи начальства устранять по воскресеньямъ и праздникамъ, подъ руководствомъ офицеровъ, разнаго рода развлечения, игры, чтенія съ туманными картинками, военно-историческія сообщенія и т. д. Только-бы отнеслись къ этому дѣлу не какъ въ новому номеру, отбывать который заставляетъ начальство, а вложили-бы въ него душу. Не вздумали-бы собирать *всю роту на одно чтеніе*. Что интересно ротной аристократіи, то нагонитъ сонъ на «сѣрыхъ» и наоборотъ. Вотъ тутъ-то, въ выборѣ чтенія, въ выборѣ самой манеры читать и должно сказаться развитіе офицера, знаніе имъ людей. Мнѣ часто приходилось замѣчать, что народъ нашъ любитъ серьезное, полезное чтеніе, онъ желаетъ учиться. Исторія, увѣ, его меньше трогаетъ: онъ до нея не доросъ. При всѣхъ полкахъ учреждаются церкви, духовенству указано идти рука объ руку съ войсковымъ начальствомъ—*vice versa* и войсковое начальство должно ближе подойти къ духовенству и помочь слить полкъ не только въ боевую единицу, но и въ одинъ приходъ, о которомъ такъ много пишутъ наши патріоты. Боюсь одного, что услышу вопль — «людей нѣтъ», если нѣтъ—ихъ нужно пригласить. Полные силъ и энергіи кадетскіе корпуса и училища готовы фабриковать людей, готовить учителей русской арміи. Но и они могутъ ошибиться. Фельдфебель корпуса и училища въ полку можетъ оказаться плохимъ офицеромъ и наоборотъ. И вотъ думается мнѣ, а что, если-бы по первому году офицерской службы, корпуса и училища получали отъ командировъ полковъ письма приблизительно такого, Бога ради, не казеннаго содержанія. «Изъ N-скаго училища въ 190* году поступили ко мнѣ въ полкъ подпоручики А и Б. А—скромный, исполнительный, серьезный, трудолюбивый—будетъ отличнымъ офицеромъ. Б—вспыльчивъ, заносчивъ, грубъ и лѣнивъ, обтесывается съ трудомъ».—Вѣдь это былъ-бы коррективъ для училищнаго начальства, справка для будущаго. Когда я прочелъ замѣтку «объ удовлетвореніи религіозныхъ нуждъ войскъ и религіозно-нравственномъ воспитаніи (№ 146 «Русск. Инв.»),

я понялъ, что наступаетъ новый, еще лучший періодъ въ жизни нашего воинства! Рука объ руку пойдутъ теперь крестъ и мечъ и православный воинъ Христовъ явится въ своей бронѣ серьезной храбрый, но не жестокимъ, побѣдоноснымъ, но не мстительнымъ, грознымъ и лихимъ, но не разбойникомъ. Первая изъ всѣхъ армій міра русская армія открыто становится арміей ради мира мірови, а не войны»...

Бетрищевъ кончилъ. Бѣлые пузырьки тихо подымались въ граненыхъ бокалахъ съ шампанскимъ. Безшумно скользили лакеи, изъ раскрытыхъ оконъ доносился топотъ конскихъ копытъ по торцу и шелестъ колесъ. Глубоко задумавшись, сидѣлъ Ламбинъ. Наконецъ онъ очнулся.

— Какая громадная работа лежитъ отнынѣ на командирѣ части.

— Воспитать и обучить двѣ тысячи чловѣкъ въ четыре года,—отвѣтилъ Бетрищевъ.

Немного помолчавъ онъ поднялъ бокалъ и произнесъ вдохновенно:

— Да здравствуютъ религія, просвѣщеніе и любовь въ нашей арміи, да здравствуетъ чуждая душа русскаго солдата, и забудемъ кондитерство передъ смотрами, темную муштру и порчу штрафованныхъ... Сушеные плоды не по сезону лѣтомъ. Мы выпьемъ за Того, Кто неизмѣнно твердой стезей идетъ къ миру и можетъ защитить этотъ миръ... А будетъ война!

— Что тогда? — спросилъ Ламбинъ, съ удивленіемъ глядя на разгорѣвшееся лицо генерала...

— Мы... мы, старики, пойдѣмъ и научимъ васъ, молодыхъ, умирать за вѣру, Царя и отечество...

Онъ опрокинулъ бокалъ въ ротъ и вдругъ притихъ, словно вспоминая, что онъ отставной, медленно принялся за землянику со сливками.

Гр. А. Д.